

ШНОВАЯ ЖИЗНЬ

Независимая общественно-политическая газета • №8 • 23 ноября 2001 года

Долгое прощание с Союзом

Десять лет назад был упразднен СССР. Почему это оказалось возможным? Была ли ликвидация СССР неизбежным явлением, или это - следствие политической авантюры трех беловежских сидельцев? Эти вопросы сегодня не потеряли своей актуальности. Мало кто будет отрицать, что причины многих наших нынешних бед кроются в распаде СССР. Есть ли возможность создания нового Союза на постсоветском пространстве? Об этом в своей статье размышляет политолог Борис Славин.

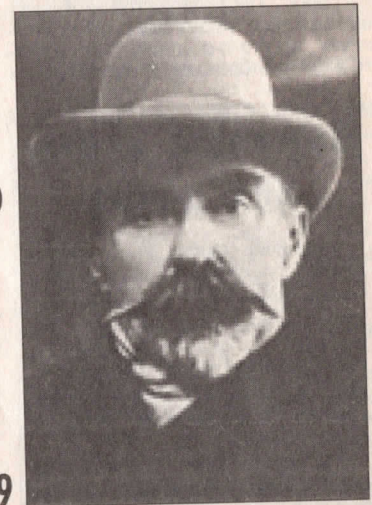
стр. 3

Завещание Плеханова: было или не было?

Жаркие споры вокруг него говорят о возрастающем интересе общества к социал-демократическим идеям и ценностям

стр. 8-9

Прагматизм берет

Необходимый комментарий

Была весна 1918 года. Знаменитый революционер, мыслитель, к которому прислушивалась не только российская, но и европейская социал-демократия, угасал на глазах. Слабеющим, переходящим в шепот голосом он диктовал своему старому товарищу то, что можно назвать последним словом, - Политическое завещание. Человек, ставший в новой, советской России отвергнутым пророком, знал, что ее вожди, еще недавно видевшие в нем учителя, слишком ослеплены Октябрьской победой, чтобы понять его. Опытный конспиратор, он не хотел, чтобы последний труд жизни попал в чужие руки, и потому попросил зашифровать надиктованное.

За три дня до смерти он сказал жене: "Ты видишь березку, нежно прислонившуюся к сосне? Может быть, однажды я тоже превращусь в такую березку".

Каков сюжет! Остается выбрать лишь жанр: что предпочесть - психологическую повесть или политический детектив? Но в данном случае не до беллетристики. Ведь речь идет о документе, который претендует на собственную нишу в истории отечественной политики. И тут первый вопрос: где оригинал?

Публикация в декабре 1999 года Политического завещания Плеханова, несомненно, стала сенсацией. Но когда первый оглушающий эффект прошел, появились сомнения: а было ли оно?

Что ж, выслушаем разные стороны. Для начала познакомимся со свидетельством одного из публикаторов - Николая Нижегородова, кандидата физико-математических наук. Вот что он пишет: *"В 1958 году я закончил Нижне-Матренскую среднюю школу и поступил в Липецкий строительный техникум, где познакомился с яркой личностью - Барышевым Георгием Васильевичем - преподавателем теоретической механики, деталей машин и сопротивления материалов. С первых же лекций я был им очарован, и не только я. Постепенно от Георгия Васильевича, который, по его словам, был дальним родственником старшей сестры Георгия Валентиновича - Плехановой Любови Валентиновны (по мужу Граниковой), - я узнал многое о Плеханове, особенно о его последнем годе жизни. И, в частности, о том, что он в апреле 1918 года, будучи прикованным к постели, продиктовал своему другу Л. Дейчу "Политическое завещание", которое никогда не было опубликовано и которое затем хранилось Сергеем Григорьевичем Плехановым (племянником Георгия Валентиновича) до 1937 года. В конце 1937 года сибирские дороги Барышева пересеклись где-то с тюремными путями Сергея Григорьевича, который как политический был осужден на 10 лет. Предчувствуя близкий конец, Сергей Григорьевич передал (или сказал, где они находятся) Барышеву зашифрованное Завещание и некоторые другие документы. Ключ к расшифровке Завещания просил запомнить. В дальнейшем, уже в 50-х годах, Барышев расшифровал Завещание и хранил его до последних дней своей жизни.*

Барышев неоднократно возвращался к теме "Завещания", к его, как он говорил, "крамольному" содержанию. Постепенно я заинтересовался Завещанием Плеханова: причастность к исторической тайне меня волновала. Как-то я попросил Георгия Васильевича разрешить мне ознакомиться с этим документом. Поколебавшись, он не только разрешил мне прочитать расшифрованное Завещание, но и переписать его".

Потом Нижегородов служил в армии, учился в вузе, затем преподавал, но мысль о судьбе плехановского Завещания не покидала его. Он даже предпринял попытку получить его зашифрованный вариант, но ему не повезло: оказалось, Барышев умер еще в 1974 году.

Но вот Нижегородов переходит к главному: *"После 1991 года мне потребовались семь с лишним лет и тесное сотрудничество с Бережанским Александром Самуиловичем - директором Дома-музея Г.В. Плеханова в г. Липецке, чтобы убедиться в том, что документ, которым я располагаю, действительно был продиктован Плехановым".*

А теперь перед читателем предстает другой заинтересованный свидетель, который вместе с Нижегородовым делит славу первого публикатора Завещания, - А. Бережанский. У него, казалось бы, неотразимый довод: *"Подлинность Завещания, его принадлежность Плеханову удостоверяет очень важный документ - "История написания Завещания", продиктованная Л.Г. Дейчем спустя месяц после смерти Плеханова. Вопрос о достоверности этого текста*

опять-таки, по существу, сводится к

было?

...Г.Г. Димич спустя месяц после смерти Плеханова. Вопрос о достоверности этого текста опять-таки, по существу, сводится к доказательству того, что он принадлежит Дейчу. Сопоставление его с недавно опубликованными дневниковыми записями Дейча, относящимися к тому же времени, не оставляет сомнений, что многие факты и события, описываемые в "Истории написания Завещания", манера изложения, душевное состояние автора полностью соответствуют дневниковым записям".

- Копия текста Льва Дейча, якобы переданная Нижегородову всем тем же Г.В. Барышевым, тоже появилась в прессе. Никаких вроде бы сомнений: воспоминания старого друга отца русской социал-демократии записал его племянник - Сергей Григорьевич Плеханов. Любопытен последний абзац этого документа: *"Думая о тексте Завещания, я задаю себе вопрос: во всем ли прав Плеханов? Вряд ли. Поживем - увидим! Во всяком случае, для увековечивания памяти Плеханова будет, по-видимому, лучше, если его Завещание никогда не увидит света"*.

Среди тех, кто уверовал в подлинность Завещания, оказался и профессор Гарвиил Попов: *"Я согласен с директором Дома-музея Плеханова А.С. Бережанским, что имеется ряд серьезных доводов в пользу того, что текст Завещания подлинный"*.

В нем действительно присутствуют самые последние идеи Плеханова, которые он высказывал после возвращения в Россию.

Самым весомым доводом для меня в пользу авторства Плеханова является глубина анализа и марксистская база этого анализа.

В Завещании представлен уровень анализа, который просто некому подделать".

Правда, он не исключает, что позднее текст документа подвергся чьей-то правке.

Но куда суровее оказались историки, считающие, что история Завещания в изложении Нижегородова и Бережанского отнюдь не иллюстрирует афоризм "Рукописи не горят". А если говорить проще, публике преподносят подделку. Послушаем Татьяну Филимонову, директора Дома Плеханова в Санкт-Петербурге: *"Лексика, понятийный аппарат "моего Завещания", представляющие собой эклектическое смешение разрозненных цитат из работ Плеханова и современной публицистики, говорят о компилятивном характере документа: "ответственность перед Историей", "россияне", "идеи пантюркизма и геноцид армянского народа" и т.п. Создается впечатление, что Плеханов, прежде чем написать "мое Завещание", основательно проштудировал и не критически освоил сегодняшние периодические издания, отказавшись от применения понятийно-категориального аппарата современной ему эпохи"*.

И еще один довод есть у нее: *"Принципиальная невозможность написания такого документа состоит в том, что ученый и политик ранга Плеханова не мог не отдавать себе отчета относительно того, что подобное "предвидение" и "напутствие" вместе с запоздавшим "анализом" своих ошибок (и в отношении Ленина, в том числе), к моменту "явления народа" окажется вне времени и места"*.

В одной из статей, которую Филимонова публикует в соавторстве с другими историками, приводится адресованное ей письмо, поступившее от внука Георгия Валентиновича - Клода Бато-Плеханова, живущего во Франции: *"Уважаемая Татьяна, посылаю Вам копии полученного от г-на Нижегородова письма и моего ответа ему. Я не понимаю, как такой документ, как "Политическое завещание" Г.В. Плеханова, до сих пор мог оставаться неизвестным для всех, включая моих бабушку, маму и тетю. По этой причине, каковым бы ни было его содержание (я никогда не видел и не читал его), мне оно кажется сфабрикованным"*.

Потом Нижегородов будет утверждать, что во время его личной встречи с Бато-Плехановым в Париже, тот утверждал обратное. Начнутся споры о том, способен ли был Георгий Валентинович, находясь на смертном одре, продиктовать столь сложный и не такой уж короткий текст, мог ли он внятно говорить или совсем потерял голос. В общем, полемике нет конца. Каким будем ее исход, сейчас вряд ли важно. Произошло нечто феноменальное. Завещание зажило своей самостоятельной жизнью. И читателей уже не столь волнует, кто его автор. Они увлечены другим - самим течением мысли, подводящим к размышлениям о пути России, ее будущем. Это, если задуматься, ясно указывает на то, что общество жаждет новых ярких политических идей и так редко их находит.

Федор ХВАЛЫНЦЕВ.